

А. С. Рысаков

Проблемы методологии исследования конфуцианского канонического наследия

Статья посвящена изучению методологических проблем современного изучения конфуцианских канонических текстов. Представлен систематический очерк совокупности методологических подходов способных стать фундаментальной базой для комплексного исследования корпуса конфуцианских канонических текстов. Современные методы социогуманитарных дисциплин рассматриваются в специфическом контексте изучения традиционной китайской культуры и ее письменного наследия.

Ключевые слова: научная методология, конфуцианство, конфуцианский канон, текстология, семиотика, структурно-функциональный анализ, философская герменевтика

Aleksey S. Rysakov

Methodological problems of the modern study of the Confucian canon

The article examines the methodological problems of the modern study of the Confucian canon. A systematic review of methodological approaches could become a fundamental basis for a comprehensive study of the Confucian canonical texts. Modern methods of socio-humanitarian sciences is analyzed in the specific context of the study of traditional Chinese culture and its written heritage.

Keywords: scientific methods, Confucianism, the Confucian canon, textual criticism, semiotics, structural-functional analysis, philosophical hermeneutics

Уже на заре мировой китаеведческой науки была сформулирована задача всестороннего историко-философского анализа корпуса конфуцианских канонических текстов. Без адекватного перевода и систематического научного изучения конфуцианского канона не представляется возможным полномасштабное исследование традиционной китайской культуры. В отечественной востоковедной науке, начиная с XVIII в., предпринимались спорадические попытки переводов конфуцианских текстов. Некоторые из этих опытов имели несомненный успех и сохраняют научную значимость до настоящего времени (в качестве примера можно привести высокопрофессиональный перевод текста «Мэн-цзы», сделанный более столетия назад П. С. Поповым).

Необходимость осуществления перевода и исследования всего корпуса конфуцианских канонических текстов с опорой на традиционные комментарии была осмыслена и заявлена в 20–30-е гг. XX в. акад. В. М. Алексеевым¹. Созданная им исследовательская группа сделала первые шаги в этом направлении, начав практическое воплощение поставленной задачи (Ю. К. Щуцкий провел исследование и подготовил перевод «Книги Перемен», А. А. Штукин проделал колоссальную работу по поэтическому переводу «Книги Песен», опираясь при этом на традиционно значимый комментарий конфуцианского наставника XII в. Чжу Си). К сожалению, работа, созданного

В. М. Алексеевым научного коллектива, была прервана из-за политических репрессий обескровивших исследовательскую группу.

В последние десятилетия российскими учеными была переведена на русский язык значительная часть классических древнекитайских текстов, включая и большинство конфуцианских канонических текстов². Однако, конфуцианские канонические тексты чаще всего переводились без привлечения традиционных комментариев и в отсутствие эксплицитно заявленной и проработанной методологической базы. Вместе с тем необходимость комплексного историко-философского и культурологического анализа конфуцианского письменного наследия давно назрела и настоятельно требует своего разрешения. Одним из основных препятствий к переходу исследований в данной области на новый уровень, на наш взгляд, выступает отсутствие адекватного поставленным задачам теоретико-методологического подхода. В связи с этим может быть сформулирована цель написания настоящей статьи как составление очерка возможностей и проблем применения различных методов социогуманитарных наук к исследовательскому полю конфуцианских доктринальных текстов.

1. Исторические методы анализа

Любой конфуцианский канонический текст – это, в первую очередь, текст историче-

ский, сложившийся и зафиксированный более двух тысяч лет тому назад. По этой вполне очевидной причине в начале научного изучения конфуцианского канона необходимо начинать с применения всего доступного спектра исторических методов. Исторические и источниковедческие методы анализа составляют нулевой базовый уровень рассмотрения традиционного доктринального текста. Всякий текст имеет свой материальный носитель, который может и должен быть подвергнут тщательному текстологическому исследованию. Дошедшие до нашего времени конфуцианские канонические тексты имеют относительно позднее происхождение и не восходят ко временам их изначальной письменной фиксации, за исключением редких фрагментарных эпиграфических памятников и археологических находок. Вместе с тем к наличествующим вариантам канонов могут быть применены и уже, по крайней мере, с начала эпохи Цин (1644–1911) применяется весь арсенал доступных палеографических методов. Изучение языка памятников, сличение различных сохранившихся версий одного и того же текста, исследования формы написания иероглифов, исторической фонетики – все это позволяет составить достаточно точное представление о времени создания текстов и, в общих чертах, о процессе их канонизации.

В свою очередь историко-генетический метод предоставляет возможность более детальной реконструкции процесса создания письменных памятников, соотнося данные текстологии и палеографии со сведениями, сообщаемыми в синхронных исторических сочинениях и данными о цитировании конфуцианских канонов в сохранившихся текстах позднечжоуской, циньской и раннеханьской эпохи (V–I вв. до н. э.). Информация о процессе сложения конфуцианских канонических текстов, получаемая в рамках историко-генетического подхода, может носить противоречивый характер. Например, сведения о сложении и фиксации канонических текстов в ханьской историографии (в первую очередь, в фундаментальных исторических компендиумах «Ши цзи» Сыма Цяня и «Хань шу» Бань Гу) могут вступать в противоречие или не полностью согласовываться с данными текстологии. В этом случае необходимо учитывать не только факт несомненной политической и идеологической ангажированности авторов официальных династийных историй, но также приблизительность и значительную субъективность текстологических обобщений³.

Следующим этапом комплексного изучения конфуцианского доктринального текста должен стать сравнительно-исторический анализ его

содержания. На этом шаге данные исследуемого памятника соотносятся с историческим и культурным фоном характерным для периода его создания и письменной фиксации, что позволяет ввести изучаемый текст в рамки соответствующего историко-культурного контекста и внести необходимые поправки в его современные интерпретации. На этом уровне исследования канонический текст впервые выступает как часть колоссального целого – всего массива исторических сведений о древнем Китае, завершая первый этап герменевтической диалектики текст/контекст.

Заключительной стадией исторического анализа канонического текста предстает применение проблемно-тематического метода, позволяющего систематизировать, классифицировать и обобщить внутреннее содержание памятника.

Исторический подход был традиционной сильной стороной отечественной гуманитарной науки, однако даже на этом уровне анализа в изучении конфуцианских канонов имеются лакуны, лишь отчасти корректируемые посредством привлечения результатов западных исторических и текстологических исследований.

2. Семиотические методы анализа

Второй этап комплексного научного исследования конфуцианских доктринальных текстов – это этап изучения их смыслового содержания и его интерпретации в рамках традиционной китайской культуры вне проблемы исторической синхронии с чисто смысловой содержательной стороны. Этот феноменологический по своей сути анализ должен начинаться с процедуры феноменологической редукции, выводящей текст за рамки конкретно исторического рассмотрения, и венчаться всесторонним семиотическим анализом смыслового содержания памятника. Проведение процедуры феноменологической редукции требует определенных навыков философского абстрагирования и является необходимой отправной точкой для начала семиотических штудий. Феноменологический анализ текста позволяет выявить его базовую интенцию, в направлении которой в дальнейшем и разворачивается семиотическая реконструкция.

Семиотический подход к анализу письменных памятников, в том числе доктринальных, был детально разработан в классических трудах Ю. М. Лотмана⁴. Теоретическая составляющая семиотического анализа может быть сведена к смене возможных позиций наблюдения за смысловым содержанием памятника и, соответственно, к многообразию социально-коммуникатив-

ных функций текста. В целом можно выделить пять основных коммуникативных функций доктринального текста, позволяющих расширить и углубить понимание его смысловых уровней:

а) первый вариант коммуникации представлен коммуникативным уровнем: адресант → адресат. Этот начальный уровень сводится у непосредственно сообщаемой текстом информации, ее обобщению и классификации. Так, например, для ритуальных канонических текстов – это будет информация о нормативных обрядовых последовательностях, ритуальной утвари и церемониальных одеяниях;

б) коммуникация: аудитория → культурная традиция позволяет выявить трансформацию смыслового кода в процессе ретрансляции сообщения в границах изучаемого культурного изоморфизма (в нашем случае – китайской традиционной культуры). Носители культурной традиции обладают иным набором ассоциативных правил и метафорических соответствий, чем современный исследователь соответствующего текста. Поэтому анализ древних канонических памятников с позиции носителя китайской культуры заключается, в первую очередь, в интерпретации символического содержания текста, выявления его скрытых от непосредственного наблюдения смысловых уровней. В качестве примера можно привести конфуцианский канонический текст «И ли» («Церемонии и ритуалы»). Практически в каждом из тринадцати рассматриваемых в данном памятнике ритуальных комплексов задействованы т. наз. «ритуальные дары» (чжи)⁵, понимание смысла которых невозможно без изменения позиции наблюдения, только носителю традиционной культуры становится понятным и очевидным символическое значение этих даров;

в) одной из важнейших коммуникативных функций именно для доктринального текста, как подчеркивает Ю. М. Лотман, является коммуникация читателя с самим собой⁶. Текст в данном случае выступает в качестве артефакта, открывающего двери в особые формы и состояния сознания. Из этой позиции становится явной психотехническая составляющая доктринального письменного наследия;

г) коммуникация: читатель → текст порождает все новые и новые диахронные интерпретации канонического текста, воспроизводя текст в рамках культурной традиции. Трансформация понимания текста и в тоже время сохранение его доктринального ядра – именно за это отвечает комментаторская традиция, воплощающая позицию читателя/интерпретатора канонического текста. Для конфуцианской канонической литературы данный аспект возможно является основополагающим. Во многих случаях задача

адекватного прочтения и понимания того или иного фрагмента текста становится неразрешимой без привлечения хронологически разнообразных и тематически разносторонних комментариев. Важнейшую роль изучения сопутствующей комментаторской традиции при переводе и изучении канонов отставив еще классик отечественной синологии В. М. Алексеев⁷. Комментарий, раскрывающий диалогическую структуру канонического текста должен стать отправной точкой для изучения канонического наследия, исследование всего жанрового и смыслового многообразия комментаторской литературы должно предшествовать всякой попытке научной интерпретации и перевода соответствующего памятника.

д) коммуникация текст → культурный контекст представляет собой логически заключительный этап семиотического анализа доктринального текста, в котором на новом витке исследователь сталкивается с герменевтическим кругом понимания части и целого. В данном случае изучаемый канонический текст замещает всю традиционную китайскую культуру, репрезентируя либо ее часть, либо ее всю как целостный организм. В первом случае имеет место метонимическое соответствие между текстом и культурой, во втором – метафорическое. Примером понимания древнекитайского текста как интегральной метафоры всей культуры может послужить работа Г. А. Ткаченко «Космос, музыка, ритуал» (М.: 1990), в которой классический текст «Люйши чуньцю» раскрывается как последовательная репрезентация ритуального хронотопа древнекитайской культуры. Гораздо более частотен случай метонимии. Так, уже упоминавшийся выше канон «И ли» содержательно охватывает сферу социального взаимодействия сословия служилых людей (± ши) и вряд ли может быть продуктивно рассмотрен как метафора всей традиционной китайской культуры.

3. Функциональные методы анализа

На уровне семиотического анализа мы имеем дело с исследованиями значений текста как такового без соотнесения его с внетекстовой реальностью. Вместе с тем любой текст, тем более конфуцианский канон, оказывает активное воздействие на социум и социальную жизнь. Социальные функции канонического текста позволяет изучить широко применяемый в социогуманитарных дисциплинах функциональный подход. Конфуцианство на протяжении двух тысячелетий являлось базовой матрицей воспроизводства не только традиционной культуры, но и социальной структуры характерной

для императорского Китая. По этой причине не вызывает сомнения тот факт, что конфуцианские доктринальные тексты использовались для воспроизводства определенной формы общественных отношений. И это касается не только такого текста как «Чжоу ли», в котором содержится подробная дескрипция системы социальных ролей и статусов неоднократно воспроизводимых в процессе утопического по своей интенции реформирования китайского средневекового социума, но и всех остальных текстов, вошедших в канонический корпус. Даже такой казался бы отстраненный от социальной проблематики текст как «Канон песен» («Ши цзин») предоставлял носителям конфуцианской традиции богатый материал для понимания базовых конструктов социума – социальных ролей: мужа, жены, правителя, подданного и т. д.

Функционирование текста в рамках социальной системы не ограничивается прямым воспроизводством взаимосвязанной и упорядоченной сети социальных отношений, но обязательно содержит латентные элементы необходимые для воспроизводства социокультурной традиции. Так, например, описания канонических ритуалов в качестве элементов содержат обмен поклонами, прием пищи, ритуальные жесты – все это может быть охарактеризовано и проанализировано как специфические, характерные именно для китайской культуры техники тела. Таким образом, комплексный анализ конфуцианских канонических текстов должен в том числе стремиться к выявлению и описанию культуры как системы габитусов, – «привычек ставших добродетелью» по меткому определению П. Бурдьё – составляющих подчас невербализируемое ядро культурного кода⁸.

Кроме всего прочего конфуцианские канонические тексты имели особое узкое применение в качестве образовательного стандарта. И дело заключается не только в системе государственных экзаменов, но и в воспроизводстве школьной традиции образования, ретрансляции и трансформации педагогического идеала, во все эпохи существования императорского Китая, опиравшегося на конфуцианскую доктрину⁹.

4. Методы структурного анализа

Современное научное изучение корпуса конфуцианских канонических текстов не может обойтись также без детального структурного анализа текстов. Первый шаг в этом направлении – это анализ грамматической и синтаксической структуры. Не только изучение макроструктуры «канона» (цзин), чем плодотворно занимался выдающийся советский

синолог В. С. Спирин и его последователи¹⁰, но и анализ микроструктуры – элементов языка, взаимодействия формы и содержания в рамках конкретного синтаксиса изучаемого письменного памятника. Подчас сама грамматическая конструкция канона позволяет выявиться внутренней связности и логичности его содержания. Показательными примерами могут служить каноническая историческая хроника «Весны и осени» (Чуньцю), в которой каждому иероглифу уже в ханьскую эпоху приписывался особый смысл и ритуальный сборник «Церемонии и ритуалы» (И ли), где синтаксические особенности повествования, напрямую помогают реконструировать сакральный обрядовый хронотоп. Необходимо также обратить внимание на тот факт, что древнейшие конфуцианские тексты подчас имели длительный период устного бытования и даже устного комментирования. Ввиду этого представляется важным попытаться выявить в текстуальной ткани мнемонические элементы – ритмические связки, повторы, рифмы и т. п.

В последние десятилетия XX в. в социогуманитарных науках стал пользоваться популярностью постмодернистский метод деконструкции, разработанный в трудах французских мыслителей постструктуралистов Ж. Деррида и М. Фуко. На наш взгляд, применение методов деконструкции к конфуцианским каноническим текстам также может оказаться высокоэффективным¹¹. Конфуцианские каноны представляют собой результат столкновения множества разнонаправленных дискурсивных практик, среди которых особая роль принадлежит дискурсам власти и связанным с ним техникам управления, что позволяет напрямую заимствовать соответствующие теоретические наработки М. Фуко. Так, например, хорошо известная и казалась бы детально изученная политическая доктрина «Небесного мандата» (тянь мин) может быть рассмотрена как перверсивное ядро особых техник и технологий власти, характерных именно для традиционной китайской политической культуры.

5. Философско-герменевтический анализ

Представленный выше краткий очерк исследовательских методов и теоретико-методологических подходов останется неполным и логически незавершенным без привлечения метода более высокого уровня обобщения. Полученные данные в лучшем случае сложатся в мозаичный разноуровневый паттерн, репрезентирующий многогранность и комплексность традиционной конфуцианской культуры. Для систематизации полученных сведений и в идеале

реконструкции на их основе взаимосвязанной системы категорий китайской культуры, структурно сопряженной с диссипативной системой символических значений исследуемых письменных памятников, необходимо применение интегрального метода. Все рассмотренные методы должны стать частью обобщающего философско-герменевтического анализа, тем более что, несмотря на их значительное разнообразие, все они в конечном итоге сводятся к диалектической проблеме соотношения текста и контекста, к герменевтическому «кругу понимания».

Примечания

¹ Свою программу исследований конфуцианской классики В. М. Алексеев изложил в статье «Новый метод и стиль переводов классики» (1947). См.: Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: в 2 кн. М., 2003, Кн. 2. С. 121–135.

² Существуют русские переводы всего «Четверокнижия» («Лунь юй», «Мэн-цзы», «Да сюэ», «Чжун юнь»). Некоторые из этих текстов переводились неоднократно. Наиболее авторитетное издание последних лет: Конфуцианское «Четверокнижие» (Сы шу). М., 2004. Тексты из более раннего канонического сборника «Пятиканоние» переведены на русский язык не полностью. Помимо уже упомянутых выше переводов: «Канона перемен» и «Канона песен», выполненных Ю. К. Щуцким и А. А. Штукиным соответственно существует старый еще дореволюционный перевод Н. И. Монастырева летописи «Весен и осеней» («Чуньцю») (последнее переиздание: Конфуциева летопись «Чуньцю» («Вёсны и осени») / пер. и примеч. Н. И. Монастырева; исслед. Д. В. Деопика, А. М. Карапетьянца. М., 1999). Впрочем, в настоящее время московским исследователем М. Ю. Ульяновым планомерно предпринимается перевод комментария Цзо чжуань, включающего также изначальный текст «Чуньцю», уже вышел первый том: Чунь цю Цзо чжуань: комментарий Цзо к «Чунь цю» / исслед., пер. с кит. гл. 1–5, коммент. и указ. М. Ю. Ульянова. М., 2011. Совсем недавно В. М. Майоровым был опубликован первый полный перевод на русский язык «Канона документов» («Шу цзин»), под названием: «Чтимая книга: древнекитайские тексты и перевод „Шан шу“ („Шу цзин“) и „Малого предисовия“ („Шу сюй“)» (М., 2014). Имеется также перевод первой главы канона «Чжоуские ритуалы» («Чжоу ли»), выполненный С. Кучерой: «Установления династии Чжоу

(Чжоу ли). Разд. 1. Небесные чиновники. Цз. 1» (М., 2010). Однако практически все указанные переводы текстов из «Пятиканония» не лишены, на наш взгляд, существенных недостатков и кроме того, основные ритуальные тексты: «Церемонии и ритуалы» («И ли»), а также «Записки о ритуале» («Ли цзи») пока что остаются недоступными на русском языке.

³ Наиболее полный обзор данной проблематики представлен в работе современного китайского историка конфуцианства Ван Баосюаня: Ван Баосюань. Сихань цзинсюэ юаньлю. Тайбэй, 2008. Пер. загл. на рус. яз.: Направления в западноханьском канонведении.

⁴ В дальнейшем очерке семиотического подхода мы опирались прежде всего на статью: Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 129–132.

⁵ В качестве «ритуального дара» выступают обычно такие материальные объекты как дикий гусь – для ритуала свадьбы или фазан – для ритуала приема гостя. См.: Синьшэ Или дубэнь. Тайбэй, 2002. С. 27, 58. Пер. загл. на рус. яз.: Хрестоматия с новым толкованием «Церемоний и ритуалов».

⁶ «Общение читателя с самим собой. Текст – это особенно характерно для традиционных, древних, отличающихся высокой степенью каноничности текстов – актуализирует определенные стороны личности самого адресата» (Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 131).

⁷ Алексеев В. М. Указ. соч. С. 133.

⁸ Операционное понятие габитуса для исследования инокультурных традиционных социумов было систематически рассмотрено Пьером Бурдьё в монографическом исследовании: Бурдьё П. Практический смысл. СПб.; М., 2001. Собственно, проблеме габитуса посвящена 3-я глава 1-й книги (с. 100–128).

⁹ О традиционном образовании и изменении педагогического идеала см.: Рысакова П. И. Система образования в китайском обществе. СПб., 2010.

¹⁰ Самая известная работа, ставшая уже классикой отечественного востоковедения: Спирин В. С. Построение древнекитайских текстов. СПб., 2006.

¹¹ Систематическое изложение метода деконструкции Ж. Деррида содержится в его программном сочинении «О грамматологии» (М., 2000). Теоретический подход М. Фуко в наиболее полном и отчетливом виде зафиксирован в фундаментальной «Археологии знания» (СПб., 2004).